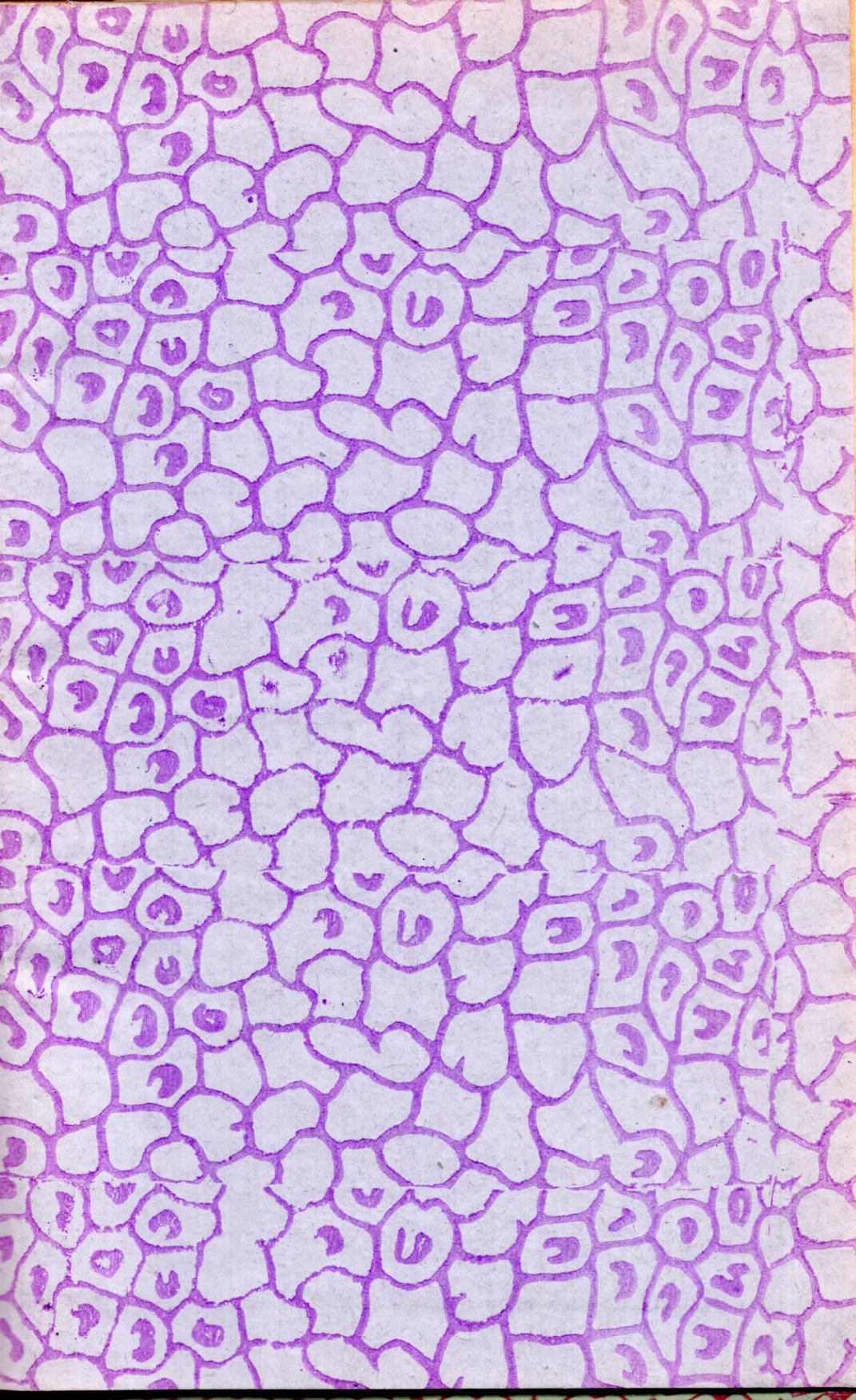

П 9267

138

Наша

"Современник" 1913. кн. 1.

✓ НОВЫЯ КНИГИ.

В. Н. Сперанскій. Общественная роль философіи. Введение въ исторію политическихъ ученій. Изъ лекцій, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Выпускъ I. СПб. Изд. Шиповникъ, 1913.

Господинъ Сперанскій умѣетъ писать простымъ, толковымъ языкомъ. Въ его небольшой книгѣ найдется немало страницъ, написанныхъ легко и даже увлекательно. Но, какъ видно, онъ думаетъ, что писать простымъ и толковымъ языкомъ можно только о предметахъ не весьма возвышенныхъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ у него о матеріяхъ болѣе важныхъ,—напримѣръ, о „вѣвременныхъ идеалахъ чистаго разума“,—онъ выражается напыщенно и невнятно. Вотъ примѣръ.

„Не безотчетная прихоть привередливаго вкуса подсказываетъ намъ желаніе найти самобытныя эстетическія цѣнности, неподвластныя тщеславной модѣ и стадному подражанію. Творческая мечта о единой нетлѣнной красотѣ, жизненный образъ которой „спасетъ міръ“, просвѣтитъ и возродитъ заблудшихъ и падшихъ, питается неискоренимой потребностью чловѣческаго духа проникнуть въ зиждительныя тайны абсолютнаго“. (Введение, стр. XI).

Что такое „нетлѣнная красота“? Если нашъ авторъ обозначаетъ этими „красивыми“,—какъ любить у насъ выражаться теперь,—словами красоту, какъ понятіе, то ему слѣдовало бы вспомнить, что понятіе безобразія такъ же „нетлѣнно“, какъ понятіе красоты, какъ и всякое другое понятіе. Но понятіе безобразія, очевидно, не „спасетъ міра“, не просвѣтитъ и не возродитъ заблудшихъ и падшихъ. Значить, одной „нетлѣнности“ еще недостаточно для того, чтобы совершить всѣ эти подвиги. Что же дастъ возможность красотѣ совершить ихъ? Прямого отвѣта нѣтъ. А есть лишь нѣчто, какъ-будто имѣющее нѣкоторое сходство съ отвѣтомъ. Г. В. Сперанскій пишетъ:

Дом Плеханова

„Это—не наивная отрѣшенная греза о возвратѣ потеряннаго рая. Это—естественная цѣлительная функція жизнеспособнаго сознанія. Художественная стихія волей-неволей несетъ свои непокорныя волны въ океанъ абсолютнаго. Истинный поэтъ запечатлѣваетъ безсмертнымъ словомъ то, что носится въ зыбкомъ явленіи. По мудрому слову Аристотеля, искусство философичнѣ исторіи, такъ какъ оно воспроизводитъ идеально необходимое, а не случайно-бывающее. Если философія есть своеобразное, трудное искусство, то и художественное творчество есть въ значительной мѣрѣ свободный философскій судъ надъ жизнью, дающій достойное имя каждой вещи“. (Введение, стр. XI—XII).

Отвѣтъ ли это, полно! Во всякомъ случаѣ, не убѣдительный. Признать, что художественное творчество есть „свободный философскій судъ надъ жизнью“ вовсе не значитъ показать, что существуетъ „нетлѣнная красота“, и что она способна совершить всѣ тѣ чудеса, которыхъ наобѣщала за нее г. Сперанскій. Чернышевскій рѣшительно объявлялъ нездоровыми мечты о нетлѣнной красотѣ, а, между тѣмъ, одинъ изъ тезисовъ его замѣчательной диссертациі гласитъ, что произведенія искусства очень часто имѣютъ значеніе приговора надъ явленіями жизни. „Слово“ Аристотеля насчетъ того, что искусство философичнѣ исторіи, въ самомъ дѣлѣ, исполнено мудрости. Къ сожалѣнію, оно здѣсь не при чемъ. Смыслъ этого слова, какъ извѣстно, таковъ. Въ эпоху Аристотеля исторія еще не задавалась цѣлью научнаго изученія процесса человѣческаго развитія, т. е. еще не смотрѣла на него, какъ на закономерный процессъ. Она только рассказывала, что было... къ тому же нерѣдко искажая дѣйствительность по прихоти рассказчика. Поэтому Аристотель не признавалъ ея родства съ философіей, изучающей, по его словамъ, „нѣкоторыя причины и нѣкоторые принципы явленій“. Съ другой стороны искусство, подобно философіи, не ограничивается простымъ воспроизведеніемъ явленія. Оно по своему,—т. е. съ помощью тѣхъ средствъ, которыми пользуется оно, какъ искусство,—изображаетъ его существенное содержаніе. Поэтому Аристотель сказалъ, что оно ближе къ философіи, нежели исторія,—повторяю, тогдашняя исторія, по своему характеру весьма далекая отъ нынѣшней исторической науки. Аристотель былъ совершенно правъ. Но изъ того, что онъ былъ совершенно правъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что г. Сперанскій правъ, хотя бы только отчасти.

Далѣе. Красота „нетлѣнная“, какъ я сказалъ, лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ „нетлѣнно“ всякое другое *понятіе*,—между прочимъ и понятіе безобразія. Но „нетлѣнность“ понятій не обезпечиваетъ ихъ неизмѣнности. Извѣстно, что понятіе людей

о красотѣ очень сильно измѣняется въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Какое же право имѣемъ мы послѣ этого говорить объ „единой“ нетлѣнной красотѣ? Я готовъ допустить что, любуясь *своей* Венерой, готтентотъ испытываетъ такое же наслажденіе, какое испытываемъ мы при видѣ Венеры *Милосской* или *Катитолійской*. Но если одно и то же наслажденіе можетъ быть вызвано двумя столь различными образами, то какой же изъ нихъ долженъ быть признанъ отраженіемъ „единой“ нетлѣнной красоты? —

Г. Сперанскій продолжаетъ: „Не временное недомоганіе встревоженной совѣсти часто и часто мѣшаетъ намъ удовлетвориться на путяхъ разумно-нравственного дѣланія условными мѣрилами пользы и наслажденія. Въ наше время немного уже находится мыслителей, берущихъ на себя неблагодарную задачу низведенія моральной философіи на степень прикладной тактики личнаго и собирательнаго себялюбія“. (Введеніе, стр. XII).

Подъ собирательнымъ себялюбіемъ, очевидно, слѣдуетъ понимать „себялюбіе“ цѣлаго общества или какой-нибудь его части, напримѣръ, сословія, класса и т. п. Въ наше время, дѣйствительно, встрѣчается очень мало мыслителей, сводящихъ моральную философію къ „прикладной тактикѣ“ этого себялюбія. Но почему? По двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что сводить моральную философію къ „прикладной тактикѣ“ чего бы то ни было, значить смотрѣть на нравственность съ той раціоналистической точки зрѣнія, которой крѣпко держались писатели XVIII вѣка, но которая должна быть рѣшительно отвергнута въ настоящее время, такъ какъ она отрицаетъ всякую возможность научно объяснить процессъ возникновенія нравственныхъ понятій. Наука имѣетъ дѣло съ закономѣрными процессами. Всякій *закономѣрный* процессъ есть процессъ *необходимый*. Смотрѣть на процессъ возникновенія нравственныхъ понятій, какъ на *необходимый* процессъ, значить стремиться объяснить, какъ порождаются эти понятія условіями человѣческаго существованія, и какъ измѣняются они съ измѣненіемъ этихъ условій. Само собою разумѣется, что если нравственные понятія порождаются условіями существованія людей, то они непременно *должны* соответствовать этимъ условіямъ. Другими словами: нравственные понятія, свойственныя данному общественному цѣлому, не могутъ противорѣчить тому, что нужно и полезно для охраненія его жизни. Еще иначе: въ той самой мѣрѣ, въ какой нравственные понятія данаго общественного цѣлаго опредѣляются условіями его существованія, т. е. сохраненія, въ нихъ выражаются его интересы. Но этотъ процессъ возникновенія нравственныхъ понятій данаго общественного цѣлаго изъ условій его существованія со-

вершается „за спиною сознанія“ отдѣльных людей (какъ сказать бы Гегель), которые чаще всего знаютъ только ихъ результаты, т. е. нравственные заповѣди. Это, кажется, достаточно ясно. Но такъ какъ я не имѣю чести принадлежать къ числу нынѣшнихъ идеалистическихъ мыслителей и потому люблю выражаться толково, то еще поясню свою мысль примѣромъ. Всѣ члены цивилизованнаго общества знаютъ, что не слѣдуетъ воровать. Но только тѣмъ изъ нихъ, которые занимаются соціологіей, извѣстно, что понятие воровства родилось лишь тогда, когда разложился первобытный коммунизмъ, т. е. что оно возникло изъ общественныхъ условій человѣческаго существованія. А въ какомъ видѣ представился бы намъ процессъ приспособленія нравственныхъ понятій даннаго общественнаго цѣлаго къ условіямъ его существованія, а, слѣдовательно, и къ его существеннымъ интересамъ, если бы мы взглянули на него съ *раціоналистической* точки зрѣнія? Въ совершенно иномъ! До такой степени иномъ, что передъ нами былъ бы уже не тотъ процессъ возникновенія нравственныхъ понятій изъ условій человѣческаго существованія, который совершается, какъ сказано, за спиною людей, а рядъ совершенно сознательныхъ дѣйствій, съ помощью которыхъ люди стараются приладить свою нравственность къ своимъ интересамъ. Если мы опять возьмемъ только что приведенный примѣръ понятія воровства, то у насъ выйдетъ вотъ что: люди, имѣющіе собственность, убѣдились, что воровство противорѣчитъ ихъ интересамъ. Поэтому они провозгласили: нравственность требуетъ, чтобы мы всѣ уважали чужую собственность. А провозгласивъ это, они стали испытывать угрызенія совѣсти, когда имъ случалось совершить дѣйствіе, похожее на воровство. При этомъ остается непонятнымъ, откуда же собственно берется угрызеніе совѣсти, такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло только съ расчетомъ выгоды. А это показываетъ, что раціоналистическое объясненіе ничего не объясняетъ. И именно потому, что оно ничего не объясняетъ, наука не можетъ признать его сколько-нибудь удовлетворительнымъ.

Однако, этимъ вопросъ, поднятый г. Сперанскимъ, исчерпывается только наполовину. Поэтому надо идти дальше. Нашъ авторъ аппелируетъ собственно не къ наукѣ, а къ „абсолютному“, что совсѣмъ не одно и то же. Онъ говоритъ: „На высшихъ ступеняхъ духовной культуры интеллектъ, переростающій свою стихійную основу, не хочетъ болѣе быть послушнымъ пособникомъ въ борьбѣ за существованіе и поощрять слѣпые влеченія животной наслѣдственности. Здоровое нравственное сознаніе можетъ питаться моральными цѣнностями только безусловными, т. е. философскими“ (Введеніе, стр. XII). Говоря это, г. Сперанскій является далеко не одинокимъ между моралистами нашего

времени. Требованіе безусловныхъ моральныхъ цѣнностей стало, можно сказать, модой дня. Но для науки сама мода есть разультатъ извѣстнаго процесса развитія, опредѣленнаго условіями существованія людей. Какія же условія вызвали моду на аппеляцію къ безусловнымъ моральнымъ цѣностямъ?

Пока данное общество не раздѣлилось на классы, въ немъ не можетъ быть противорѣчія между его интересомъ и распространеніемъ въ немъ нравственными понятіями. Съ возникновеніемъ классовъ мало-по-малу возникаетъ и мало-по-малу обостряется и это противорѣчіе. Господствующій классъ естественно считаетъ свой интересъ вполне сообразнымъ съ требованіемъ справедливости. Но къ господствующему классу всегда принадлежитъ меньшинство членовъ даннаго общества. Когда интересы такого класса приходятъ въ противорѣчіе съ интересами большинства, то возникаетъ вопросъ: можетъ ли быть справедливымъ то, что наноситъ вредъ большинству? И тогда наступаетъ время для переселенія справедливости на небо. Тогда идеологи господствующаго класса говорятъ: „дѣло вовсе не въ интересахъ большинства; интересы большинства условны, а справедливость есть яѣчто безусловное“. И всегда выходитъ, что безусловная справедливость, какъ нельзя лучше, мирится съ эксплуатаціей меньшинства большинствомъ. При этомъ безразлично, облекается ли она въ религиозныя ризы, или—въ философскую хламиду. Нашъ авторъ предпочитаетъ эту послѣднюю: у него безусловныя моральныя цѣнности суть цѣнности философскія. Но какъ бы тамъ ни было, онъ очень ошибается, воображая, будто свойственное ему стремленіе къ безусловнымъ моральнымъ цѣностямъ вызвано тѣмъ, что его „интеллектъ переросъ свою стихійную основу“. Увы! Въ этомъ-то стремленіи и сказывается непобѣдимая сила стихійной основы. Г. Сперанскій,—очень можетъ быть, самъ того не замѣчая,—принадлежитъ къ числу идеологовъ господствующаго класса, интересы котораго рѣзко противорѣчатъ теперь во всемъ цивилизованномъ мірѣ интересамъ эксплуатируемаго большинства. Поэтому идеологи этого класса и любятъ распространяться о безусловныхъ, моральныхъ цѣностяхъ. Это понятно. Но „безусловно“ ли здорово „нравственное сознание“ этихъ почтенныхъ людей? Нашъ авторъ думаетъ, какъ видно, что да, а я сильно сомнѣваюсь въ этомъ.

Возвышенныя соображенія г. Сперанскаго о безусловныхъ цѣностяхъ, о вѣчномъ немеркнущемъ свѣтѣ, объ „океанѣ абсолютнаго“ и т. п. находятся во введеніи къ его книгѣ, чѣмъ и дѣлаютъ его „безусловно“ негоднымъ для подготовки читателей (или слушателей и слушательницъ) нашего мыслителя къ пониманію общественной роли философіи. Это было бы еще только полбѣды, если бы книга, снабженная такимъ введеніемъ, от-

части поправляла дѣло. Къ сожалѣнію, и книга не поправляетъ его. Написанная несравненно лучшимъ языкомъ, нежели введеніе, она, однако, столь же „безусловно“ не даетъ отвѣта на вопросъ о томъ, какую же роль играла философія въ ходѣ развитія общественной жизни. Да оно и неудивительно. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только тотъ, кто выяснилъ себѣ, какимъ образомъ общественное сознаніе опредѣляется общественнымъ бытіемъ. А это останется неяснымъ для г. Сперанскаго до тѣхъ поръ, пока онъ сохранитъ свое стремленіе топить философію въ „океанѣ абсолютнаго“.

Скажу откровенно: мнѣ жалъ слушателей и слушательницъ г. Сперанскаго.

Г. Плехановъ.

Маркъ Криницкій. Разказы, т. III. Изд. „Шиповникъ“. 1912.

Первый разказъ книги озаглавленъ „Предсмертныя мысли Гуляева“;—Гуляевъ—это Иванъ Ильичъ Льва Толстого, профессоръ „Скудной исторіи“ Чехова, Иванъ Ивановичъ изъ повѣсти Арцыбашева „У послѣдней черты“,—хорошо знакомый „литературный“ обыватель, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобъ являться предъ русскимъ читателемъ во дни усталости, унынія и возбуждать вопросъ о смыслѣ жизни, о Богѣ, мірѣ, человечествѣ. Личность жалкая, назойливая и совершенно лишенная сознанія человѣческаго достоинства. Умирая, Гуляевъ размышляетъ въ поученіе читателю:

„Можетъ быть нѣтъ ни Бога, ни міра, а есть что-нибудь третье. И что значить слово „есть“? Что значить, что онъ, Гуляевъ, какъ-то „есть“, и то или другое вообще „есть“?“

Въ слѣдующемъ разказѣ Криницкаго „Тамъ, за стѣною“ тридцатилѣтняя дѣвушка-учительница, которой—какъ „Учительницѣ“, героинѣ Маріи Яничекъ—хочется любить, быть женщиной. думаетъ:

— „Живетъ человѣкъ, но его на самомъ дѣлѣ нѣтъ. То-есть, онъ есть, но это такъ что-то, какъ говорится, ви́шнія черты. Тотъ или другой носъ. Блондинъ или брюнетъ. Та или другая кофточка. Ужасъ, ужасъ“.

Въ третьемъ разказѣ описывается запой, сумасшествіе и самоубійство „Учителя Живарева“. Пьяный учитель идетъ по улицѣ деревни, мужикъ спрашиваетъ его: „Что, небось, Иванъ Савичъ, все равно“? Мальчишки дразнятъ: „Все равно, все равно“! „Они не могли понять, отчего и какъ можетъ сдѣлаться, что человѣку вдругъ станетъ все равно“.

Какъ видите, авторъ объясняетъ запой учителя причинами глубоко-философскими. Это, конечно, очень любезно по отноше-

нію къ учителю, но едва-ли правдиво въ бытовомъ отношеніи. И невольно напоминаетъ давніе стихи Мережковского:

«Будь что будеть,—все равно!
... Все наскучило давно,
Тремъ богинямъ вѣщимъ пряхамъ,
Было прахомъ,—будеть прахомъ»...

Сколько разъ уже эти стихи отразились въ нашей литературѣ, указывая на бѣдность современной русской мысли и „книжность“ нашихъ писателей! Въ разсказѣ „Неопалимая купина“ акцизный Федоровъ бесѣдуетъ съ попомъ: „бабушка какъ-то странно обходится безъ фактовъ, даже явно и бессмысленно противорѣча имъ“. Федоровъ спрашиваетъ: „Какъ вы можете вѣрить, что была неопалимая купина... кустъ, который горитъ и не сгораетъ?“ „Ну, такъ что-же?“ „Не понятно это“. „А остальное вы понимаете?“—спрашиваетъ попъ. „А Америку вы видѣли? Можетъ быть никакой Америки вовсе нѣтъ? А вы—вѣрите, а въ другое—нѣтъ“.

У Чехова Пимфовъ разсуждаетъ на эти темы значительно остроумнѣе и свѣжѣй. Въ разсказѣ „Гуськовъ“—внучка статскаго совѣтника Гуськова говоритъ дѣду:—„Прочныя убѣжденія имѣеть только тотъ, кто имѣеть спокойствія для себя“. Изъ чего ясно, что внучка читала афоризмы Льва Шестова въ приложеніи къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, а дѣдушка, очевидно, не знакомъ съ модной философіей современности, ибо онъ говоритъ:—„Жило, жило, значитъ, человѣчество и все напрасно. Вся культура, всѣ науки, искусства—все зря? Такъ, что-ли?“ „Не знаю, дѣдушка, можетъ и есть что-нибудь не зря, да я не знаю“.

Всѣ обыватели Криницкаго ущемлены незнаніемъ жизни и міра, но это отнюдь не мѣшаетъ имъ препротивно и прескучно болтать о „міровыхъ“ вопросахъ, уже достаточно истрепанныхъ и опошленныхъ литературной улицей. Акцизные и гимназисты, учителя и просто люди, всѣ они—по Криницкому—прячуть свою никчемность въ туманахъ метафизики, и каждый напоминаетъ краткій діалогъ изъ „Однодума“ Лѣскова:

— „Библія начитался“. „Ишь его, дурака, угораздило!“

Нѣчто подобное есть въ разсказѣ „Неопалимая купина“: акцизный Федоровъ сообщаетъ учителю Калинину:—„Вчера я говорилъ съ однимъ философомъ!“ „Съ философомъ?“ „Какъ это васъ угораздило?“—искренно удивился разумный Калининъ. Это искреннее удивленіе позволяетъ надѣяться, что и Маркъ Криницкій, прочитавъ однажды свои разсказы, тоже удивится—какъ однообразны, скучны и ничтожны его герои. Впрочемъ, ему, видимо, понятна горестная никчемность этихъ людей, и, кажется, онъ чувствуетъ глубину ихъ душевной пустоты. Онъ относится къ нимъ достаточно объективно, и лично въ немъ не замѣтно свойственной

его героямъ склонности ощупывать импотентной мыслью великія тайны жизни.

Пристрастіе російскаго обывателя „сыскать начало всѣхъ началъ“ отмѣчено еще Хемницеромъ почти сто лѣтъ тому назадъ, но, какъ это доказываетъ Криницкій своей книгой, оно не изжито до сего дня. Сидя въ грязной ямѣ всяческаго неустройства, связанннй по рукамъ и по ногамъ, россиянинъ все еще вопрошаетъ: „Веревка—что такое?“ Уже нѣсколько лѣтъ къ ряду ему настойчиво и цинично доказываютъ, что веревка отнюдь не есть „вервѣ простое“, а онъ все еще, *„все свои слова строитъ самъ изъ себя“*, *„какъ-то странно обходится безъ фактовъ, даже явно бессмысленно противорѣча имъ“* и все еще не рѣшилъ—*есть въ мірѣ „что-нибудь не зря“ или нѣтъ?* И очень вѣроятно, что ко времени, когда онъ рѣшитъ, наконецъ, этотъ хорошо рѣшенный сосѣдями вопросъ,—сосѣди догадаются, что онъ самъ весь со своими пристрастіями къ бездарной болтовнѣ о роковыхъ проблемахъ бытія совершенно зря занимаетъ столь обширное и разнообразно-богатое мѣсто.

А. П.

В. Тотоміанцъ. „Кооперация въ русской деревнѣ“. Изд. Сабанинниковыхъ, Москва, 1912, стр. 448, ц. 2 р. 60 к.

Въ предисловіи авторъ, пользующійся вполне заслуженной извѣстностью знатока кооперации, сообщаетъ, что онъ собиралъ матеріалы для своей работы около 10 лѣтъ и „поставилъ себѣ задачей дать, главнымъ образомъ, сводку наличнаго, частью полученнаго путемъ анкетъ, личной переписки и нигдѣ еще не опубликованнаго матеріала“ (V). На этомъ основаніи Тотоміанцъ „надеется, что его неблагодарный въ смыслѣ большой затраты времени, поистинѣ пчелиный, трудъ найдетъ доброжелательную и снисходительную оцѣнку“ (VI).

Книга распадается на двѣ части: первая (до X-й главы, с. 1—245), посвященная, главнымъ образомъ, сельскохозяйственнымъ товариществамъ и обществамъ, представляетъ дѣйствительно пчелиный и неблагодарный трудъ; но вторая часть (съ X-й главы, с. 245—448), гдѣ Тотоміанцъ рассказываетъ о кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, а также о сельскихъ потребительныхъ обществахъ, написана на основаніи, большей частью, извѣстныхъ и легко доступныхъ матеріаловъ.

Что касается первой части, то для широкихъ круговъ она слишкомъ суха и скучна. Если же специалистъ поинтересуется отдѣльнымъ вопросомъ: объ участіи женщинъ, о состояніи библиотекъ, о сбытѣ продуктовъ, то ему придется самому сдѣлать сводку: авторъ, довольствуясь сообщеніемъ сырого матеріала, на помощь ему не приходитъ.

Во второй части, напротивъ, В. Θ. пользуется, по большей части, хорошо извѣстными матеріалами, иногда журнальными статьями, не представляющими ничего характернаго, но почему-либо остановившими его вниманіе. Еще печальнѣе, когда руководствомъ для автора служили произведенія различныхъ канцелярій. Главы XII—XIV, напримѣръ (с. 271—313), рисуютъ картину положенія ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ на основаніи отчетовъ Управленія по дѣламъ мелкаго кредита. Будучи простымъ пересказомъ послѣднихъ, страницы эти не слишкомъ увлекательны и въ то же время не сообщаютъ ничего новаго.

Крупнымъ минусомъ работы является недостатокъ вниманія къ потребительской кооперации. Ей посвящена одна глава (XVIII) въ двадцать двѣ странички (с. 397—418). Между тѣмъ, на армію кооперативовъ въ двадцать слишкомъ тысячъ потребительныхъ обществъ составляютъ цѣлую треть (6730), при чемъ 70% послѣднихъ находятся именно въ нашей деревнѣ („Вѣсти. Кооп.“, 1912, IV, с. 116—7, и слѣд.). Повидимому, въ концѣ книги авторъ сталъ слишкомъ скупъ вслѣдствіе допущеннаго имъ раньше обилія громоздскаго матеріала. Его оправданіе, что „о сельскихъ потребительныхъ обществахъ свѣдѣнія получаются случайно“ (с. 397), не объясняетъ, почему онъ довольствовался отчетами и журналами лишь послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря второй части, не-специалистъ можетъ получить представленіе о нашихъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществахъ и даже (но въ меньшей степени) о деревенскихъ потребительныхъ обществахъ.

Главнымъ же недостаткомъ въ общемъ полезной работы является отсутствіе обобщеній. В. Θ. Тотоміанецъ сознательно ограничивается собираніемъ фактовъ, избѣгая выводовъ. Это главный недостатокъ... но это и главное достоинство. Ибо сильно эволюціонировавшіе за послѣдніе годы взгляды Тотоміанца, кое-гдѣ все же высказанные имъ, производятъ непріятное впечатлѣніе.

Нельзя отрицать, что существуютъ на свѣтѣ „безкорыстные и чуждые классовыхъ интересовъ помѣщики“ (с. 177). Однако, отсюда нельзя вообще привѣтствовать работу въ сельскохозяйственныхъ обществахъ помѣщиковъ, какъ таковыхъ (а не отдѣльныхъ лицъ, не стоящихъ на точкѣ зрѣнія того класса, къ которому они принадлежатъ); между тѣмъ, именно такъ поступаетъ г. Тотоміанецъ, говоря „о благотворной роли“ не только интеллигенціи, но и помѣщиковъ (с. 117—8). Еще удивительнѣе слѣдующія строки: „Крупнѣйшіе изъ мѣстныхъ ростовщиковъ должны были сдѣлаться вкладчиками“ (Дзенгелевскаго товарищества) (с. 364), набираетъ курсивомъ авторъ. Радоваться ли такому пріобрѣтенію? Въ ссудо-сберегательное товарищество вступали ростовщики... Зачѣмъ? Удешевить народный кредитъ? Наверячъ-ли...

Можетъ быть, въ этихъ привѣтствіяхъ Тотоміанца помѣщиковъ и ростовщиковъ сказывается его горячее желаніе, чтобы всѣ были кооператорами. Но это слишкомъ большое идеализированіе коопераціи. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Авторъ, кажется, думаетъ иначе. И для него всякая кооперація eo ipso хороша. Отмѣтивъ, что кредитныя товарищества, насаждаемыя сверху бюрократіей, во многомъ стоятъ ниже ссудо-сберегательныхъ, возникающихъ по инициативѣ и благодаря энергіи самого населенія Тотоміанецъ сейчасъ же оговаривается: „ставя ссудо-сберегательныя товарищества въ смыслѣ развитія самостоятельности выше кредитныхъ, мы не хотимъ сказать, что послѣднія не являются школой коопераціи“ (с. 380).

Гораздо рѣшительнѣе оказывается авторъ, останавливаясь „на мнимомъ недостаткѣ кредитныхъ кооперативовъ. Ихъ упрекаютъ въ томъ, что они будто бы доступны только деревенской буржуазіи“ (с. 384). Отвѣчать по существу въ рецензіи пишущій эти строки не можетъ. Но факты, приводимые В. Ө., въ оправданіе „мнимаго“ недостатка, часто требуютъ объясненій. Вотъ, напр., онъ ссылается на „обстоятельное обзорѣніе“ А. В. Меркулова въ № 3 „Вѣстника Коопераціи“ за 1911 годъ: „...въ товариществахъ участвуютъ всѣ слои сельскаго населенія (курсивъ авт.—Б. Ф.). Теперь прибавимъ, что такъ же обстоитъ дѣло даже въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ кредитная кооперація сравнительно слабо развита и недавняго происхожденія. Такъ, въ Нижегородской губерніи 66,7% членовъ кредитныхъ товариществъ составляютъ безлошадные и однолошадные“ (с. 384). Послѣднія цифры взяты изъ статьи А. В. Меркулова. Что же говорилъ авторъ „обстоятельнаго обзорѣнія“? Посмотримъ. Во всякомъ случаѣ нежелательный фактъ преобладанія въ кредитныхъ кооперативахъ болѣе состоятельнаго крестьянства отнюдь не неизбѣженъ“ (с. 122—3 „В. К.“, курсивъ нашъ — Б. Ф.). Данныя Нижегородской губерніи г. Меркуловъ приводилъ въ доказательство, что „нежелательный фактъ“ „не неизбѣженъ“. Г. Меркуловъ говорилъ объ исключеніи, а г. Тотоміанецъ скалъ: даже въ тѣхъ губерніяхъ...

Наши критическія замѣчанія, однако, не должны пугать серьезнаго читателя. Изучая кооперацію, мимо новой работы В. Ө. Тотоміанца нельзя пройти, не остановивъ на ней сего вниманія. Книга поразительно богата фактическимъ матеріаломъ. Даже для специалиста она глубоко поучительна... но опять таки, главнымъ образомъ со стороны фактовъ.

М. Филипповъ. Что такое страхование. Москва. 1912 г. Стр. 28; цѣна не обозначена.

Обсужденіе въ Гос. Думѣ, принятіе и начинающее проведеніе въ жизнь страховыхъ законовъ вызвали на свѣтъ уже довольно значительную литературу какъ статей, такъ и брошюры и книгъ. Среди нѣкоторыхъ, представляющихъ дѣйствительную цѣнность, имѣются также и такія, которыя только запутываютъ вопросъ. Къ разряду послѣднихъ надлежитъ отнести и брошюру г-на Филиппова.

Въ первой части своей брошюры онъ касается страхованія вообще. Во второй—спеціально рабочаго, социальнаго страхованія.

Онъ—противникъ страхованія. Онъ видитъ въ немъ не болѣе, не менѣе, какъ „недоразвитой коммунизмъ“ и считаетъ, что оно „приводитъ съ собой и всѣ тѣ ослабляющія накопленіе богатствъ явленія, которыя противники коммунизма справедливо видятъ въ коммунистическомъ устройствѣ—именно: пониженіе степени дѣятельности... „Онъ совершенно отрицаетъ за страхованіемъ значеніе осуществленія права рабочаго на обезпеченіе. Это,—говоритъ онъ,—та же милостыня, только прикрытая. Доказательства сему—та „прибавка“ хозяевъ, которая вносится ими по германскому закону о страхованіи, а также то соображеніе, что эта прибавка, въ конечномъ счетѣ, перекладывается предпринимателемъ на потребителя, т. е. „на общество“. Да кромѣ того, и сами рабочіе, посредствомъ повышенія заработной платы, складываютъ съ себя тяготу взносовъ, что составляетъ одну изъ „тайнъ неразгаданныхъ“ въ „мірѣ экономическаго оборота“.

Но что же предлагаетъ авторъ взамѣнъ такъ ненравящагося ему страхованія? Благотворительность.

„Если можно мечтать объ ослабленіи нищеты, умиротвореніи классовой распри, то только организуя обезпеченіе неимущихъ на началахъ милосердія и долга моральнаго, поддержки со стороны сильныхъ ослабѣвшимъ, именно на началахъ благотворительности“...

Итакъ, въ лѣто 1912-е, когда рабочее законодательство и социальное страхованіе играютъ во всѣхъ странахъ огромную роль, когда движеніе рабочаго класса во всемъ мірѣ достигло поистинѣ грандіозныхъ размѣровъ и привело насъ къ воротамъ новаго міра,—пришелъ г-нъ Михайль Филипповъ и заявилъ намъ:

— Бросьте! Дѣло не въ томъ. Нужна только благотворительность!

Невѣжество г-на Филиппова подчасъ переходитъ въ демагогію. Такъ, въ доказательство жизненности своего взгляда онъ ссылается на французскій пролетаріатъ, бойкотировавшій страховые законы. Но вѣдь французскіе рабочіе объявили свой бойкотъ страхованію лишь потому, что оно было плохимъ страхованіемъ. Эхъ, г-нъ Филипповъ, ужь лучше бы не ссылались..

Остается только пожалѣть, что все же найдутся люди, которые, по незнанію, покупать книжку г-на Филиппова.

П. Рябовскій.

Б. Г. Данскій. Страхование рабочихъ. Существенныя черты новыхъ страховыхъ законовъ. Какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ новые законы могутъ быть использованы въ интересахъ рабочаго класса. Съ прилож. полного текста страховыхъ законовъ. Изд. рабочей газеты „Правда“. СПБ. 1912 г. Стр. 120. Цѣна 20 коп.

Введеніе въ Россію законовъ о страхованіи рабочихъ, не смотря на всѣ ихъ плохія и даже во многомъ вредныя для рабочаго класса стороны, представляетъ собою событіе огромной важности. Передъ рабочимъ классомъ открывается новая арена открытой дѣятельности, создаются новыя формы организаціи. Борьба за наилучшее использованіе ихъ, какъ они есть, въ интересахъ рабочихъ массъ; борьба за расширеніе и улучшеніе ихъ, вплоть до тѣхъ поръ, пока они не будутъ удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ къ социальному страхованію пролетаріатомъ всѣхъ странъ,—вотъ основныя задачи, стоящія передъ рабочимъ классомъ Россіи.

Съ этой точки зрѣнія авторъ разбираемой нами брошюры и подходитъ къ новымъ законамъ.

Брошюру можно разбить на три части. Первая — довольно подробное разсмотрѣніе страховыхъ законовъ въ ихъ наиболѣе существенныхъ чертахъ, выясненіе ихъ недостатковъ, а также и тѣхъ измѣненій, которые необходимо сдѣлать въ интересахъ рабочихъ массъ. Въ небольшомъ вступленіи авторъ выясняетъ, что такое страхованіе вообще касается немного германскаго страхованія и вкратцѣ излагаетъ взгляды на страхованіе рабочаго Интернаціонала. Вторая часть—краткій обзоръ законовъ съ поправками къ нимъ. Третья часть—самые законы.

Брошюра написана легкимъ и яснымъ языкомъ и безусловно будетъ весьма полезна въ рабочей средѣ. Къ сожалѣнію, авторъ весьма мало касается вопроса о страхованіи вообще, а также совершенно не удѣляетъ мѣста положенію страхованія въ другихъ странахъ, кромѣ Германіи, о которой онъ говоритъ, хотя и немного. Конечно, это увеличило бы размѣръ брошюры, но все же необходимо, и во второмъ изданіи должно быть сдѣлано. Кромѣ этого, во второмъ изданіи было бы желательно дать полный текстъ страхового законодательства, который, по словамъ автора, долженъ быть внесенъ социалъдемократической фракціей 4-й Гос. Думы. Желательно также въ концѣ брошюры дать хотя бы небольшой перечень литературы по страхованію, что сдѣлать не трудно, и что займетъ какихъ-нибудь одну-двѣ странички.

За всѣмъ тѣмъ и въ настоящемъ своемъ видѣ разсмотрѣнная брошюра представляетъ собою цѣнный вкладъ въ рабочую литературу по страхованію, тѣмъ болѣе, что и цѣна ея—20 коп.—очень невысока.

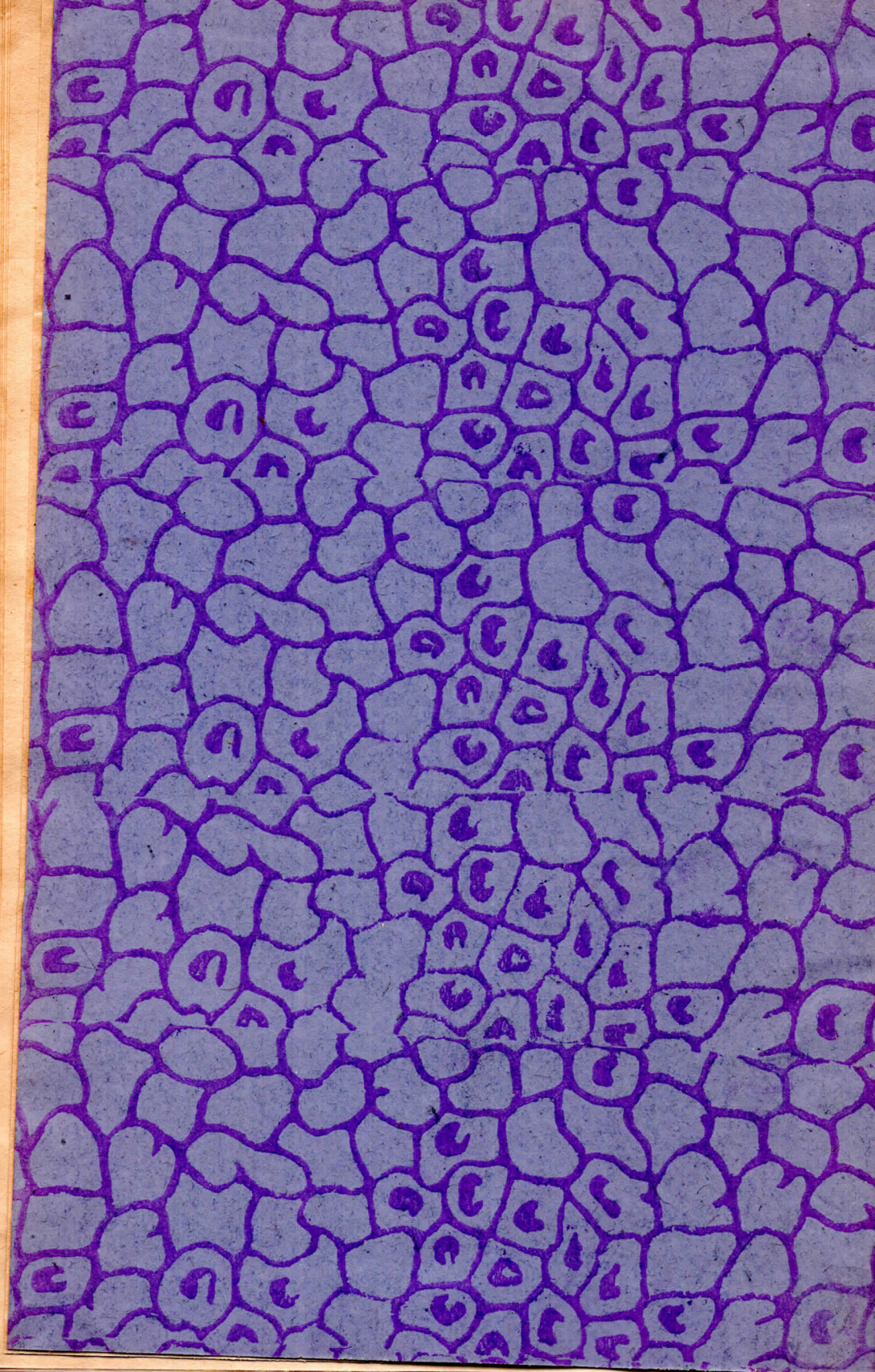
П. Рябовскій.

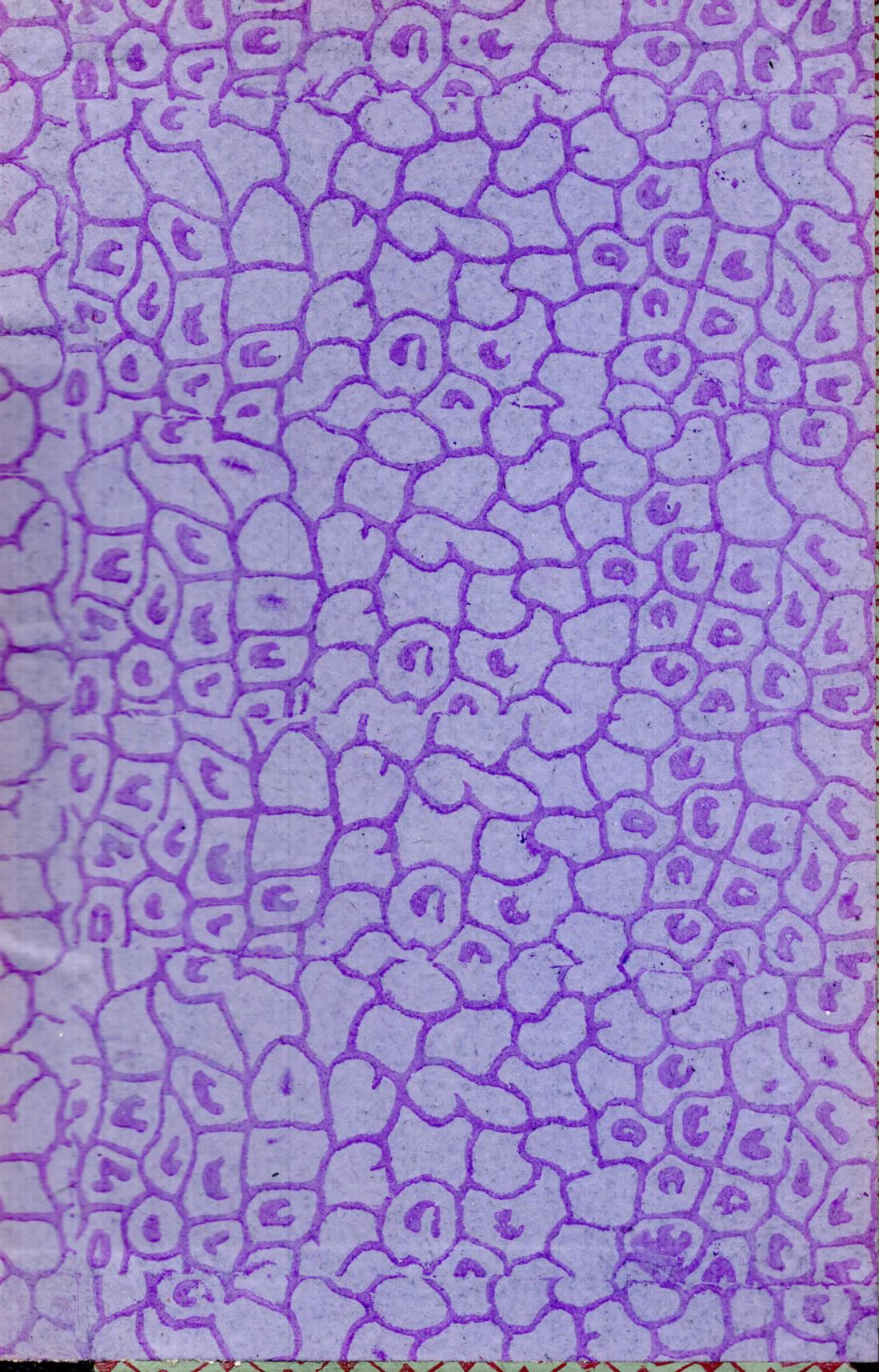

Ch. M.

П. 9267.